

В.М. Калинин

УДК 413.13:8-1(09)

ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ К ПОЭТОНИМОЛОГИИ

Реферат. Представлен краткий очерк истории нескольких идей литературной ономастики. Обращено внимание на формирование теории: выявление специфики объекта и предмета исследования, формулирование аксиом поэтики онима, развитие собственных методов исследования. Прослежено становление нескольких идей поэтонимологии. Предложена модель динамической семантики поэтонима, определено место поэтонимогенеза как составляющей онимогенеза (способ существования собственных имен в речи). Показано значение исследований поэтонимосферы для понимания важных сторон поэтики собственных имен. Намечены некоторые пути дальнейшего развития поэтонимологии как науки.

Ключевые слова: литературная ономастика, объект исследования, онимогенез, поэтика, поэтика онима, поэтоним, поэтонимогенез, поэтонимосфера, поэтонимология, семантика.

Насущная необходимость в подведении предварительных итогов развития литературной ономастики за пятидесятилетие её “официального” существования сегодня очевидна. Изучение собственных имен, функционирующих в художественной литературе, начатое в 50-х годах прошлого века В.Н. Михайловым¹, приобрело в настоящее время широкую популярность. В последние десятилетия XX века и в первые годы нового, по-видимому, уже не было ни одной ономастической конференции, на которой бы не работала секция литературной ономастики. Начало же было более чем скромным. Обзор библиографии литературно-ономастических исследований, выполненных в СССР, а также в 90-е годы прошлого века и в начале нынешнего столетия в славянском мире, показывает непрерывное увеличение числа публикаций, в том числе монографических. За это время пройден путь от одиночных и часто случайных работ до сотен публикаций в год в рамках уже сложившихся или формирующихся исследовательских парадигм. Десятки молодых ученых-филологов в разных городах и научных центрах Украины составляют сейчас солидную группу, которой предстоит заниматься исследованием собственных имен в бескрайнем море мировой литературы. В первую очередь им предназначена эта статья, рассказывающая о судьбе некоторых научных идей литературной ономастики и путях развития поэтонимологии как научной дисциплины, доказавшей свою непреходящую актуальность, новизну и перспективность.

Самые первые опыты изучения имен из художественных текстов фактически не отличались от собственно ономастических студий и отнесение их к области литературной ономастики оправдано только характером источника, из которого черпался материал исследования. К такого рода работам можно отнести ономастическую часть «Критических заметок об историческом и художественном значении Слова о полку Игореве» Е.В. Барсова [2] или, например, статью, посвященную фамилии одного из персонажей «Мертвых душ», «Что значит фамилия Тентетников» автора, подписавшегося инициалами Л.В. [17] Но и много позже этих “доисторических” работ, уже после упомянутой диссертации В.Н. Михайлова, ученые, остававшиеся “в плену” классической

¹ Первая в СССР диссертация по литературной ономастике «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование» была защищена В.Н. Михайловым в 1956 году.

ономатологии, продолжали исследовать проприальную лексику литературных произведений традиционно, т.е. безотносительно к тому, что она принципиально отличается от онимии как таковой. Непреходящее же значение диссертации В.Н. Михайлова состоит, во-первых, в том, что в ней было уделено внимание работе литераторов по подбору собственных имен, и, во-вторых, в отчетливом стремлении автора показать влияние творческих установок писателей на конечный продукт – художественное собственное имя. Спустя десятилетие была защищена еще одна диссертация, посвященная литературной онимии «Поэтика имен собственных в русской классической литературе». Её автор Э.Б. Магазанник сделал серьезный шаг в освоении не столько онимного пространства русской литературы, сколько в теоретическом осмыслении задач научной дисциплины. В диссертации и других работах этого ученого затрагивались проблемы “говорящих имен” (ономапэтика), прототипов и протонимов, эзопова подтекста, ономастилистики и т.д. [19].

Обосновывая право считать свое направление научно самостоятельным, ономасты, в первую очередь, обратились к выявлению специфических свойств объекта и предмета исследования. А.В. Суперанская в онимах художественных произведений обнаружила две специфические черты: “а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности, б) они создаются по моделям имён реальных или нереальных предметов с учётом принадлежности их к определённом ономастическому полю” [24 с.148]. Ю.А. Карпенко [15, 16] определил ряд признаков литературной онимии, отличающих её от общенародной. Прежде всего была отмечена “вторичность” собственных имен в художественном произведении, под которой нужно понимать свободу воплощения авторского отношения к представлению места, времени и среды с помощью соответствующего онимного ассортимента. Однако это только видимость свободы, поскольку даже в фантастических произведениях автор всё равно так или иначе опирается на действующие ономастические системы и нормы. Вторым было названо фундаментальное отличие обусловленности реальной онимии от детерминированности онимии поэтической. Первая в рамках данного языкового коллектива складывалась веками и строго обусловлена историческими и языковыми факторами, литературная же онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора. В то же время каждое собственное имя художественного произведения прочно связано не только со свойствами изображаемого

(и названного именем) предмета, но и с задачами произведения в целом. “Разнообразные связи литературного собственного имени <...> со всей <...> образной системой произведения, связи с художественным замыслом, со всем художественным целым, связи с жанром, с художественной школой и стилем <...> детерминируют литературную ономастику, существенно сужая её субъективное начало” [15, с.11]. Важнейшим следствием названных особенностей является “функциональная перестройка” литературной онимии. Если основная функция реальных ономастических единиц – дифференцирующая, то в поэтике онима на первое место выдвигается стилистическая. Следующей отличительной чертой поэтической онимии является ее принадлежность к речи, в отличие от общенародной онимии, которая принадлежит языку. Идеи Ю.А. Карпенко получили дальнейшее развитие в работах О.И. Фоянковой [25, 26]. В трудах последователей этих ученых особенность собственного имени литературного произведения была окончательно осмыслена, продемонстрирована на множестве примеров и доведена до сведения всех ономастов. Сегодня специфичность собственного имени в художественном произведении как предмета исследования – трюизм и об основных отличительных особенностях литературных онимов часто говорят уже без ссылок на первопроходцев. Для наглядности эти особенности представлены ниже в парах с языковыми.

Система собственных имен языка первична. – *Литературные собственные имена являются вторичной семиотической системой, моделирующей первичную.*

Онимия языка детерминирована языковыми и историческими факторами. – *Литературная онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора.*

Основная функция реальных онимов – дифференцирующая. – *У литературных онимов на первое место выдвигается стилистическая функция.*

Общенародная ономастическая система – явление языка. – *Онимная система художественного произведения принадлежит речи.*

Осознание специфичности предмета исследования стимулировало развитие метаязыка литературной ономастики, в том числе, важнейшей его составляющей – терминологии [см.: 6]. К концу 80-х годов прошлого столетия для обозначения специфического предмета исследования в литературной ономастике стал использоваться достаточно быстро вошедший в обиход термин – *поэтоним*. Однако, несмотря на

его очевидные достоинства, ученым, принявшим это понятие, предстояло доказывать его целесообразность, содержание и границы употребления. Поскольку *поэтоним* стал базовым термином для формирования основной части терминологической системы развивающейся науки о собственных именах в языке художественной литературы, необходимо отметить некоторые его свойства. Еще раз подчеркнём, необходимость в самом термине предопределена спецификой предмета исследования. Поэтоним представляет собой специфическую трансформацию собственного имени. Основное отличие кроется в свойствах референта имени. Поэтоним всегда и во всех без исключения случаях именуется виртуальный референт, существующий в творческом сознании автора, воссоздающийся им в тексте произведения и воспроизводимый творческим сознанием читателя. Это в равной мере распространяется как на целиком вымышленные автором и поименованные объекты, так и на объекты существующие в действительности или существовавшие в прошлой реальности, поскольку все они в литературном тексте функционируют только в виде художественной эстетической (и вторичной семиотической) модели. Еще Аристотель понимал это различие: «Историк и поэт различаются <...> один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти <...> составив фабулу на основании правдоподобия, комики подставляют случайные имена, не касаясь определенных лиц <...> А в трагедии придерживаются имен, взятых из прошлого. <...> Однако и в некоторых трагедиях встречается только одно или два известных имени, а другие – вымышлены <...> Из этого ясно, что поэт <...> даже если ему придется изображать действительные события, он всё-таки творец, (курсив мой. – В.К.) так как ничто не препятствует тому, чтобы некоторые действительные события имели характер вероятности и возможности» [1, с.1077-1078]. Отсюда и возникла формулировка аксиомы знаковости поэтонима: «Всякое собственное имя в художественном произведении есть знак “фиктивного” существования означенного» [7, с.111]. Утверждение термина *поэтоним* способствовало развитию терминологической составляющей литературной ономастики, о чем автор статьи неоднократно писал в других публикациях.

Прочно связанная корневой системой с ономастикой и рядом классических направлений лингвистических исследований литературная ономастика в течение десятилетий легко получала значимые для филологии результаты, не особенно заботясь о выработке собственных методов исследования. Простое приложение хорошо

зареккомендовавшего себя метода давало подчас ошеломляющие результаты при смене материала исследования на ономастический. Достаточно сослаться на словообразовательный анализ. Однако понимание специфики задач подталкивало к поиску новых подходов к изучаемому материалу. На это ушли первые десятилетия развития теоретической составляющей литературной ономастики. Своеобразным прорывом в этом направлении стало интуитивно осознаваемое всегда², но принятое как исследовательский принцип позднее положение об обязательном учете свойств контекста, окружающего онимные единицы, воздействующего на них, и, что особенно важно, испытывающего ответные влияния. Принцип был сформулирован автором статьи в виде двух аксиом: 1) аксиомы контекста как широкого принципа: «Являясь знаком “фиктивного” существования описываемого в художественном произведении предмета, собственное имя получает свою полноценную значимость не только в контексте других знаков художественного произведения, но в контексте, понимаемом как широчайший принцип»; 2) аксиомы бесконечной смысловой валентности поэтонима: «Всякое собственное имя может иметь бесконечное количество значений, т.е. превратиться в символ» [7, с.115-116]. Это означает как принципиальную включённость художественного произведения в жизнь, так и наличие связей онимии произведения с реальными ономастическими системами. Эти утверждения решительно размежевали собственные имена языка, остающиеся преимущественно идентифицирующими и индивидуализирующими знаками, и поэтонимы, которые в контексте художественного произведения превращаются в сущности иного рода.

Развитие ономастической контекстологии, с одной стороны, способствовало увеличению числа традиционных работ [см., например: 3, 4, 5, 22 и др.], с другой, стимулировало поиск новых подходов. Описание контекстной семантики и поэтики онимов стало особенно популярным в работах, посвященных конкретным литературным произведениям, открылась возможность исследовать контекстные синонимы, дескрипции и ономастические перифразы. В рамках

² Например, в 1966 г. еще в самом начале литературно-ономастических исследований С.И. Зинин на конференции в Ташкенте выступил с докладом «Имя собственное и контекст» [5]. Следует отметить особый вклад этого ученого в развитие литературной ономастики: он собрал и опубликовал первую специальную библиографию.

разработки проблемы “Поэтоним и контекст” было положено начало исследованиям синергической семантики сочетаний и конгенеративной поэтики онимов в микроконтекстах [8]. В этом направлении пока сделано очень мало, но очевидны задачи. Необходимо целенаправленное изучение условий сочетаемости определенных типов онимов с разными группами апеллятивной лексики, обнаружение запретов и ограничений на комбинирование, объяснение результатов взаимодействия компонентов сочетания. Естественным развитием такого подхода является изучение связанных с видимым “нарушением” комбинаторно-семантических правил содержательных и выразительных эффектов, относящихся к ведению конгенеративной поэтики. Иными словами, синергическая семасиология сочетаний с онимами должна исследовать правила взаимодействия значений нарицательного и проприального компонентов и описывать семантический “результат” употребления того или иного словосочетания, а конгенеративная поэтика изучать содержательные и выразительные эффекты, возникающие чаще всего в случаях уклонения от нормативных правил объединения слов в таких сочетаниях.

С этой позиции лучше всего видно и осознается то, что новое направление развития ономастической дисциплины, изучающей собственные имена в литературных текстах, лежит в русле комплексного филологического исследования явления имени в художественном произведении. Смещение акцента с онима как такового на со-бытие имени собственного и литературного текста в работах последних лет далеко не случайно, ибо вся доступная обозрению логика развития научного направления свидетельствует о неизбежности этого поворота. С этого момента литературная ономастика начала превращение в поэтику онима. Это существенное различие. Литературная ономастика изучает онимию художественного произведения. Всесторонне. А поэтика онима изучает поэтику собственных имен. Тоже всесторонне, но поэтику. Этот акцент существенным образом корректирует взаимоотношение методов и приемов исследования в новой исследовательской парадигме.

Именно поэтому следующий шаг в развитии литературной ономастики – ряд опытов исследования не отдельно взятых имен, а их совокупности – в парадигме поэтики онима приобрел совершенно иные черты. В первых диссертациях и публикациях, посвященных топономастическому или ономастическому (позднее – онимному) пространству литературных произведений, исследовалась только

совокупность собственных имен, анализировалась представленность в ней онимии различных разрядов и особенности их функционирования. Но зерна были брошены в хорошо подготовленную почву и потому дали дружные (и нужные) всходы. В поэтике онима была поднята проблема описания онимного пространства литературного текста как структурно-семиотического компонента целостного художественного произведения. Нам уже приходилось высказываться относительно некоторых подходов к ее решению [см.: 9, 10, 11, 12. 13. 14 и др.]. Здесь же лишь кратко упомянем о той ее части, от которой во многом зависит как направление развития теории онимного пространства (поэтонимосферы) художественного произведения, так и характер конкретных исследований поэтики онима.

Каждый оним, как известно, кроме исполнения присущей ему собственно номинативной функции, является своего рода “транспортным средством”, доставляющим в текст набор аккумулятивной исторической, этнографической, географической, коннотативной и иной сопутствующей информации, и потому участвует наравне с другими средствами в оформлении хронотопа литературного произведения. Именно поэтому так реальна структурно-семиотическая и конструктивная роль онимной лексики в формировании “художественной картины мира” и так важна степень корреляции между информацией о названных собственными именами объектах, включая их семантику и поэтическую этимологию, и фундаментальными онтологическими и семиотически-ценностными категориями бытия, структурирующими мироощущение и мировосприятие человека. Задачей исследователя поэтики онима как раз и является обнаружение обычно скрытого, латентного влияния оппозитивно выстроенного онимного пространства на восприятие произведения.

Специфика онимного пространства художественного произведения, существующая в области различий между реальной и литературной проприальными системами, отчетливо проявляется в структуре поэтонимосферы. “Непрерывный континуум” онимного пространства языка “доступного отдельному индивиду лишь во фрагментарном виде” в известном смысле противостоит доступному в полном объеме конструктивно и семиотически завершенному онимному пространству литературного произведения. Исходя из представления о художественном произведении как о вторичной семиотической моделирующей системе, нужно и его онимное пространство понимать как вторичную систему, моделирующую реальное онимное пространство, помня, что руководящими идеями

для автора как создателя целостного произведения являются художественные. Именно поэтому его в первую очередь интересуют коннотативные свойства онимов, их роль и место в культуре описываемого этноса, в мировой и национально-языковой культуре писателя и читателя.

Общий принцип оппозитивности, примененный к анализу поэтонимосферы художественного произведения, выдвигает на первый план вопрос о теоретически возможной, осознаваемой, изучаемой и реально осуществляемой литераторами взаимозаменяемости в одном месте речевой цепи нарицательных и онимных номинаций. Вспомним давным-давно сформулированную глубокую мысль М.В. Ломоносова о том, что “переменение имен собственных и нарицательных служит ко изобретению слов риторических” [18, с.52]. Не менее важным является то, что общее свойство собственных имен становится внутритекстовыми пространственно-временными координатами художественного произведения, делает исключительно важным исследование степени соответствия между реальной онимией времени и места действий, изображенных в художественном тексте, и поэтонимосферой произведения. На основании такого сопоставления может быть сделан вывод об основном принципе, заложенном в поэтику поэтонимосферы: что это – воспроизведение реалий и нормы или значимые отклонения от них?

Важную роль приобретает определение степени корреляции между информацией о названных собственными именами объектах, включая их семантику и поэтическую этимологию, и фундаментальными онтологическими и семиотически-ценностными категориями бытия, структурирующими мироощущение, миропонимание и мировоззрение человечества. Если мы хотим, чтобы выводы, касающиеся поэтики и сигнификативных характеристик онимии художественного произведения как семиотической (символической и, следовательно, образной) системы отвечали требованиям научности, очень важно, пользуясь всеми доступными методами и приемами сравнительно-сопоставительного исследования, обозначить систему оппозиций, отображающих ценностные ориентиры личности в реальном онимном пространстве языка и культуры. С этой точки зрения невозможно переоценить значимость трудов Е.С. Отина, касающихся коннотативной области проприальной системы русского языка. Следуя принципам, используемым ученым при описании коннотемных созначений в смысловой структуре онимов, можно “выстроить” систему оппозиций, отражающую как современное состояние отношений между единицами ономастикона, так и развитие коннотационной

структуры онимного пространства языка в диахронии. Поскольку оппозиции задаются антонимами (*низ – верх, добро – зло, жизнь – смерть, плохой – хороший, свобода – рабство* и т.д.), выявление в семантической структуре онимов коннотем, соответствующих полюсам названных противопоставлений, даст исследователю желаемый результат. Например, наличие в названии части света *Азия* коннотем ‘застой жизни’, ‘отсутствие духовных запросов’, ‘консервативные привычки’, ‘отсталость взглядов’ [21, с.33] наводит на мысль о возможном присутствии в имени какой-либо другой части света противоположных (антонимичных) коннотем. Иными словами, оппозиция *Азия – X* будет передавать противопоставления ‘застой – развитие’, ‘бездуховность – духовность’, ‘отсталость – прогрессивность’, ‘консервативность – реформаторство’. На месте *X* в русском языковом сознании, несомненно, окажется *Европа*. В «Словаре...» Е.С. Отина узуальный коннотативный топоним *Европа* представлен со значениями ‘цивилизация’, ‘цивилизванное демократическое общество’, ‘культура’, ‘признаки культуры, прогресса’, ‘бытовые удобства’, ‘не наше, не отечественное’ [21, с.135-137]. Анализ других контекстов с коннотонимом *Европа*, несомненно пополнит теоретически предполагаемую оппозицию полным набором противопоставлений.

Изучение онимии романа Лины Костенко «Берестечко» натолкнуло автора этой статьи на мысль о необходимости введения понятий напряженности и насыщенности онимного пространства, о чем достаточно подробно говорилось в докладе на ономастическом семинаре в Институте украинского языка [см.: 9, 10]. Для обозначения характера заполнения собственными именами хронотопа литературного произведения было предложено терминологическое сочетание “*решение поэтонимосферы*”, под которым следует понимать, с одной стороны, “результат” творческих усилий автора, который так или иначе может быть оценён, а с другой – лингвопоэтический результат объединения культурно-языковой и эстетической информации, аккумулированной в онимах, с особенностями литературного произведения как художественной целостности. Описание *решения поэтонимосферы* беллетристом или поэтом может быть основной целью исследований онимии, в которых рассматривается функционирование проприальной системы как структурного единства в границах литературного произведения как целостности художественной.

Развитие поэтонимологии не могло не затронуть сферу ономастической лексикографии.

Решение задач, возникающих в связи с необходимостью описания собственных имен в языке писателя, в поэтонимологии привело к изучению динамики семантических перемен в собственных именах в процессе их функционирования. Функция поэтонима – это его специфическая деятельность в создании образности художественной речи. Одновременно – это зависимая “переменная”, меняющаяся вместе с изменением грамматической формы имени, синтаксических и семантических свойств контекста, информационного и эстетического содержания художественного высказывания в целом. Функция зависит от акта художественной коммуникации, непрерывно преобразующего и обновляющего передаваемую поэтонимом информацию. Поэтоним включен в отношения и смысловые связи с текстом произведения и широким контекстом культуры. Он “бурлит” различными содержательными и интерпретативно-смысловыми возможностями и при этом способен накапливать и хранить информацию. В ряде наших работ затрагивались различные аспекты процессов, получивших название поэтонимогенез. Поэтоним – это, в сущности, совокупность употреблений данного имени в тексте. Он является многофункциональной единицей поэтической речи и каждое конкретное употребление актуализирует лишь часть функций из числа потенциально свойственных ему или реализованных в художественном произведении. Задача, стоящая перед лексикографом поэтонимов, связана с дифференциацией, а не с интегральным представлением функций. Иными словами, их нужно не просто перечислить в каком-либо порядке (например, начиная с наиболее общих и кончая наиболее специфическими), а выбрать и ранжировать проявившиеся в данном случае существенные функции поэтонима, воздействующие на образную сферу высказывания и художественного произведения в целом.

Конкретное словоупотребление онима может актуализировать как наиболее существенную содержательную информацию о референте (денотате) и характеристический потенциал внутренней формы имени, так и словообразовательную нюансировку, фонетическое “значение”, синтаксическую позицию и связи проприальной единицы с другими элементами художественной речи. Еще Ломоносов выделил и описал возможности перехода собственных имен в нарицательные и наоборот, функционирование онимов в качестве риторических фигур и тропов: олицетворения, эпитета, метафоры, сравнения, аллегории, метонимии, синекдохи [18, с. 29-53]. Собственное имя, функционируя в тексте, непрерывно

обогащается семантически, вбирая в себя информацию об объекте номинации, “растворенную” в произведении. Информация эта в равной мере может быть представлена эксплицитно или имплицитно, иными словами, может существовать и в тексте и в подтексте и т.д. Обычно принято говорить, что слово приобретает значение только в контексте других языковых знаков. Однако этого недостаточно, когда речь идет о художественном произведении. Здесь слово “взаимодействует с другими словами <...>: притягивается к ним или отталкивается от них, гармонирует или диссонирует, в общем, пытается как-то определить свое положение в контексте. На многих уровнях - звуковом, семантическом, грамматическом, синтаксическом - слово штурмует контекст. Тот в свою очередь навязывает слову уступки, урезает часть его значения - определяет его. В мире сообщения царит насилие, здесь действует принцип взаимного ограничения отдельных составляющих” [23, с.260]. Отмеченная зависимость поэтонима от контекста предопределяет подвижность его семантики. Однако базируется эта подвижность на фундаментальных свойствах имени как такового в языке и речи.

Сложившиеся к настоящему времени представления о поэтике и семантике собственных имен требуют постановки вопроса о новом понимании процессов, описанием которых занимаются лингвисты. Стабильность собственных имен – не более чем видимость. От употребления к употреблению оним неуловимо изменяется и обыденному сознанию только кажется, что это одно и то же слово. На самом деле имена переменчивы и многолики. Одни, подобно неутомимым модницам, примеряют на себя разнообразные одежды смыслов, другие, как солдаты, если и меняют униформу, то только в соответствии с требованиями “устава”. Но “одежды” – лишь внешняя, хорошо видимая сторона перемен. Внутренняя жизнь онима гораздо сложнее, а преобразования незаметнее. Можно считать, что любое слово, в том числе, имя собственное, – одновременно и константа, и переменная. Не будь слово константой, мы не понимали бы друг друга, а не будь оно переменной, язык прекратил бы существование. Первое свойство помогает общаться, второе составляет сущность коммуникации.

Собственное имя выделяет единичный объект из ряда однородных, имеющих одинаковое нарицательное обозначение, одинаковые сигнификат и денотат. Отношение собственного имени к денотату косвенное, через референт. Онимогенез в направлении *оним* ® *апеллятив* чреват превращением референта в денотат. Что и

как при этом происходит – отдельная проблема. Иногда между “полюсами” (оним - апеллятив) зарождается, оформляется, какое-то время развивается, а затем либо исчезает, либо узуализируется *коннотоним* – имя в специфическом промежуточном состоянии, зависящем как от степени близости к тому или иному “полюсу”, так и от множества других факторов (см. работы Е.С. Отина). Среди путей развития собственного имени существует давно входящая в сферу интересов ономастов трансонимизация. В этом процессе внешняя форма имени остается неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт. Даже этот далеко не полный перечень вариантов течения ономогенеза показывает насколько сложным может быть кажущееся простым.

Новый поворот в понимании ономогенеза обещает, с одной стороны, изучение поэтонимогенеза как явления относительно самостоятельного и, с другой стороны, исследование того, какое место занимает поэтонимогенез в ономогенезе как глобальном языковом процессе. Умозрительно очевидные варианты “размещения” поэтонимогенеза в процессе развития имени таковы: 1) имя существовало в языке до художественного произведения, затем прошло путь развития в литературном тексте и возвратилось, обогащенное этими употреблениями, в язык; 2) имя существовало в языке, употреблялось в художественных текстах, но эти употребления на дальнейшую судьбу имени в языке не повлияли; 3) имя не существовало в языке, было создано для художественного произведения, а затем вошло в язык; 4) имя не существовало в языке, было создано автором художественного произведения и достоянием языка не стало. В первом случае поэтонимогенез *встроен в..*, во втором *выпадает из..*, в третьем *открывает*, а в четвертом *составляет* ономогенез. При этом наибольшую проблему для лексикографии представляет

первый, наиболее распространенный вариант ономогенеза. Ведь поэтонимы не “стартуют”, как спортсмены, с одной линии, да и “финишируют” по-разному. Одни существовали тихо и неприметно “в недрах” национального языка, другие были интерлингвальными онимами и за ними, как хвост за кометами, уже тянулся шлейф коннотем.

Число состояний слова в языке и речи неисчислимо. Поэтому нужно определить реальные цели и задачи их исследования. В рамках художественного произведения поэтонимогенез как изолированное явление может быть изучен и представлен в структуре словарных статей с исчерпывающей полнотой. Ономогенез может быть исследован и описан в рамках языка писателя. Эта задача при всей своей сложности также вполне реальна. Расширение объема исследуемого материала до пределов литературного направления или школы, скорее всего нецелесообразно, по крайней мере, до тех пор, пока этим не займутся большие коллективы исследователей, оснащенные “умными” машинами. Сказанное относится только к ономастическим лексикографическим проектам. Изучение же процессов ономогенеза и построение его теории задача исключительно перспективная для ономастических наук.

Завершая эти скорее мозаичные заметки, чем последовательный обзор, хочется еще раз подчеркнуть: новая, формирующаяся в настоящее время парадигма исследований литературной онимии немислима без развития, по крайней мере, трех направлений поэтонимологии: 1) дальнейшего анализа динамической семантики поэтонима, в том числе, синергической; 2) исследования комплекса вопросов, связанных с ономографией в словарях языка писателя, в первую очередь, касающихся ономогенеза и поэтонимогенеза; 3) изучения поэтонимосферы художественных произведений как целостной системы, имманентной литературному тексту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с. – (Классическая философская мысль). – С. 1013-1112.
2. Барсов Е.В. Критические заметки об историческом и художественном значении Слова о полку Игореве // Вестник Европы, 1878. - Т.V (LXXIII). - Кн.10. - С.767-812; Т.VI (LXXIV). - Кн. 11. - С. 346-385.
3. Большакова Л.П., Ильичева Н.М., Харьковская А.А. О передаче имен собственных в контексте художественных произведений (на материале русского, английского и французского языков) // Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. - Куйбышев, 1978. -Т.223. – С. 3-15.
4. Вартанова О.А. Топоним в поэтическом контексте //Текстовый и синтаксический уровни стилистического анализа. - Ленинград, 1989. - С.22-33.
5. Зинин С.И. Имя собственное и контекст // //Материалы научной конференции аспирантов Ташкентского университета. Гуманитарные науки. – 1966. – С.80-82.

6. Калинин В.М. К вопросу о метаязыке поэтики онима (статья первая: специальная терминология) // Вісник Донецького університету. - Серія Б: Гуманітарні науки. - № 1. - 1998. - С.131-138.
7. Калинин В.М. Поэтика онима. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
8. Калинин В.М., Бартошевич Л. Синергетическая семантика и конгенеративная поэтика сочетаний с онимами // Вісник Донецького університету. – Сер. Б: Гуманітарні науки. – Вип. 1. – 2000. – С.56-66.
9. Калінкін В.М. Из спостережень над поетикою онімного простору роману Ліни Костенко “Берестечко” // Українська пропріальна лексика. Матеріали наукового семінару 13-14 вересня 2000 р. – Київ: Кий, 2000. – С.62-69.
10. Калінкін В.М., Лінчицька Ю.В. Поетика онімного простору. Роман Ліни Костенко “Берестечко” // Филологические исследования. Вып. 2. – Донецк, 2000. – С.217-230.
11. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтономосфере художественного произведения // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. Научно-методический сборник. – К 80-летию профессора О.Е. Ольшанского. – Ч.1/ Отв.ред. В.А. Глущенко. – Славянск: СГПИ, 2001. – С.93-97.
12. Калінкін В.М. До семіотики та естетики поетонімосфери роману Ліни Костенко “Берестечко” // *Linguistica slavica*. Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Железняк. – К.:Кий, 2002. – С.63-68.
13. Калинин В.М., Панасюк Л.О. Поэтономосфера пролога к тетралогии Т. Манна “Иосиф и его братья” // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. Научно-методический сборник. Вып.Х. – Ч.1 / Отв.ред. В.А. Глущенко. – Славянск: СГПИ, 2002. – С.147-160.
14. Калинин В.М. Введение в теорию поэтономосферы // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития. В 2-х ТТ. Т.” /Под ред. П.Е. Бухаркина и др.. – СПб.: Политехника, 2003.
15. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в художественной литературе // *Onomastica*. - 1985. - Т.31. – С.6-22.
16. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки.– М.,1986.– № 4.– С.34-40.
17. Л.В. Что значит фамилия Тентетников // Русский филологический вестник. – 1909. – № 2.
18. Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Труды по филологии. – Т.VII. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – С. 19-79.
19. Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. – Автореф. дисс... к.ф.н. – Самарканд, 1967.- 24с. (СамГУ).
20. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование. – Автореф. дисс... к.ф.н. – М., 1956.- 20 с.
21. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2004. – 412 с.
22. Прокудина О.А. Антропонимы в контексте художественного произведения // Вопросы английской контекстологии.- Л.,1985.- Вып.2.- С.145-151.
23. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: “за” и “против”. – М.: Прогресс, 1975. – С.256-276.
24. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
25. Фоякова О.И. Имена собственные в языке художественной речи // Вестник ЛГУ.– Ленинград, 1974.– № 2. История. Язык. Литература.– Вып.1.– С.104-108.
26. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие. – Л.: ЛГУ, 1990. – 104с.

Калінкін В.М.

ВІД ЛІТЕРАТУРНОЇ ОНОМАСТИКИ ДО ПОЕТОНІМОЛОГІЇ

Представлено короткий нарис історії літературної ономастики. Звернуто увагу на формування теорії: виявлення специфіки об'єкту й предмету дослідження, формулювання аксіом поетики оніма, розвиток власних методів дослідження. Простежено становлення деяких ідей поетонімології. Запропоновано модель динамічної семантики поетоніма, визначено місце поетонімогенезу як часткового процесу в онімогенезі як формі існування власних імен. Показано значення досліджень поетонімосфери для розуміння важливих сторін поетики власних імен. Намічено деякі шляхи подальшого розвитку поетонімології як науки ("Λογος όνομαστική", №1, 2006, с. 81-89).

Ключові слова: літературна ономастика, об'єкт дослідження, онімогенез, поетика, поетика оніма, поетонім, поетонімогенез, поетонімосфера, поетонімологія, семантика.

Kalinkin V.M.

FROM LITERARY ONOMASTYCS TO POETONYMOLOGY

The brief studies of a history literary onomastycs is introduced. Formation of the theory is draw attention: revealing of specificity of object and subject of research, formulation of poetycs of onyms axioms, development of own methods of research. The development of several ideas of poetonymology is trace. The dynamic model of poetonyms semantic is offered, the place of poetonymogenes as private process in onymogenez as a way of existence of proper names is determined. The importance of researches of poetonymosphaera for understanding of the important parties of proper names poetycs is shown. Some ways of the further development poetonymology as sciences are planned ("Λογος όνομαστική", №1, 2006, с. 81-89).

Key words: literary onomastycs, object of research, onymogenez, poetycs, poetycs of onym, poetonym, poetonymogenes, poetonymosphaera, poetonymology, semantics.